

Исказитель тиши в истоках себя

Пахло деревом. Спинки, стулья, оконные рамы и старинный буфет - все они выражали неотразимый запах дуба и сосновых шишек. Из комода на меня улыбнулись добрые и довольно малопонятные глаза. Неужели ещё один подобный здесь? Ох нет, да сколько же можно?! Расходящиеся от каждого предмета колебания, ощущаемые распластываемой поверхностью моего интуитивного рассудка, свидетельствовали о приближении ещё одного из этих существ. Такие волны никогда не приходили осмысленно: в них всегда прятались оттенки каких-то недосказанных выражений эмоций, лишённых словесных аналогов. Каким станет всё с пришествием следующего?

По пыльным неокрашенным доскам, едва цепляясь за плетёные коврики на полу, заскрежетали множественные лапки, будто принадлежащие микроскопической армии рыцарей. Оттенки их отзвуков скатывалась сначала в одну сторону, а затем в другую. Было душно, жарко, и какая-то неопределенность вопроса будто бы повисла в хмурой атмосфере особняка. Осенний ветер едва колыхал отсыревшие и как бы обрюзгшие от плесени тюлевые занавески, грустно свешивался роскошный алый бархат балахона навеса заправленной ещё пару десятилетий назад кровати. Лишь пустота и неопределённость окружали меня, оглушая пронзительной тишиной. В висках пульсировала кровь, приливая к голове.

Я полез в аптечку за очередной горстью пилюль от мигрени, когда понял, что этот пульс доносится откуда-то снаружи, точно несуществующие соседи решили слушать дабстеп или уже почти местные гастарбайтеры делали очередной ремонт. Шорох пульсации не останавливался ни на секунду, и я обратил внимание на маленькое страшненькое существо, бегающие в разные стороны в дальнем углу: у него было покрытое хитиновыми щитками лицо с восемью глазками, вытянутые руки, как у паучка-сенокосца, только цепко разделенные на семь секций и подобные же им, хоть и распухшие, как у ёжика, короткие цокающие ноги, шуршащие шерстяными носочками, смягчающими стук по занозчатому полу и скрежет буро-шипастых коготков, прорывающихся наружу сквозь носочную шерсть. На голове, щелкающей и посвистывающей неисследованными внутренними полостями, он носил некое подобие поварского колпачка, а редкие пучки колючих волос вырвались из под тонкой прозрачной фаты крыльев, топорщащихся из-под шлифованных костистых лопаток, а из

пространства челюстей то и дело вылезал тонкий липкий и блестящий язычок иссиня-чёрного цвета, как у чау-чау. Издаваемый телом этой твари лязг при передвижении был просто невыносимым.

“Так вот какая ты, сущность в виде гномика”, - задумчиво пробормотал я, выходя в сени, чтобы едва-едва отдышаться. Сени, больше похожие на просторнейшую веранду, были сказочным тихим местом. Редкостным чопорно-музейным украшением столешницы стоял антикварный термос с ещё не остывшей терпкой заваркой. Я любовался небольшим сосновым черпачком, задумчиво оглянулся вокруг. В пыльных покрытых тонким слоем ржавчины стёклах окон виднелась глинистая поляна, за которой выплывали острые пики тёмно-зелёных густых елей и не менее острые трубы заводов, прокалывающих небесную гладь сразу за смолистым хвойным лесом.

Среди утопанных бустулыг выжженной солнцем травы, высохшей до состояния коричневого сена, в густую чашу вела едва заметная тропа через поле, начинающееся сразу за особняком. Тропа утопала в мрачной лесной темени, растворяясь среди игольчатых крон в непроглядной дымке лесных далей. “Вот пусть разные маленькие девочки и плутают там в поисках лишь своего волка, а ты не маленькая девочка, поэтому оставайся здесь”, - сказал спокойный голосок с хрустящей хрипотцой где-то за спиной, вкрадчиво царапая резкими звуковыми зазубринками интонаций по коре моего страдающего от мигрени головного мозга. Журналы, пожелтевшие от солнечного света, подобно опавшим листьям, с обложками матово-оранжевого, лилово-сиреневого и индиго-фиолетового цветов, шелестели, словно липовые чешуйки сухих соцветий в зимней запасливой коробочке, перелистываясь от микроскопического бриза ветров, шастающих по веранде.

Когда лучший банный напиток закончился, я приотворил скрипучую дверь и вошёл вновь в пространство тяжелых занавесок, помещицких ларцов-комодов и громоздкой деревянной мебели времён архитектуры барокко. Шорох жучка грома, как я обозвал грохочущего пришельца в носках, не прекращался ни на секунду в моей комнате за спиной, но на этот раз на потолке засела ещё и тёмная кожа - тварь, похожая на компактного птеродактиля. Я уселся, широко и свободно развалившись в продавленной прелой соломе пропавшего пушком проросшей пинициллы кресла-качалки. Всполохи крыльев тёмной кожи принялись калейдоскопическими потоками индийских сакральных танцев вертеться у меня прямо перед глазами, покуда я лениво отмахивался от комнатного птеродактиля, как от комара, больше похожего на летучую мышь. Можно, конечно, было бы взять мухобойку, да и прихлопнуть

его, наглеца, на ближайшем торшере, но сонная слабость мешала мне предпринимать какие-либо активные действия, пока тёмная кожа чуть на хлопала в своём стремительном полёте меня по носу, беспокойно перепархивая из угла в угол, как привязанная ниточкой за лапку стрекоза.

Взорвались песочные часы, из деревянных стен принялись проступать капли оливкового масла, и весь дом наводнили Поиски разноцветных пятен силы. Они были теми, кто ищет, одновременно являясь образом, которым ищут. Да, они действительно были просто Поиски - и никто другие. Каждый из этих Поисков нёс своё неповторимое настроение, свой коктейльный слив из осязания и предчувствий, и ни одно из них не было от мира сего. Кто из них сейчас смотрит мне в спину? Я ощутил резкий и пристальный тяжёлый взгляд одного из Поисков у себя на спине. Один из них выражал ощущения наружу особенно усердно. Прямо-таки транслировал.

Я сконцентрировал волю у себя в голове, ниспосланные лучи добра настигли моих наблюдателей, а зато лучи тепла ударили в район лба, взорвавшись незримой вспышкой и расцветая над самой макушкой головы бессчётным перебором нотных позвякиваний, точно чьи-то пальцы перебирали струны арфы, и струны эти сами единообразным ритмом приподнимались вверх по лестнице октав. Тело будто бы растворилось, как сахар растворяется, отсыпаясь струящимися кристалликами в горячем чае, зачерпнутом в сених между берёзовым веником и глубокой светлой бадьёй. Щелчок. Еще щелчок. Свист. Я казался себе нанизанным на струну, больше смахивающую на ручей, и один конец этой струны уходил в масляно-пепельное, как туча с градом, пространство, переливающееся через собственный край в ослепительную сине-белость, тогда как другой мой, нижний конец струны сливался в некое неопределенно тёмное пространство, бездной повисшее под ногами, так что было непонятно, вверх или вниз оловой я здесь вишу.

Границ не оказалось ни сверху и ни снизу, а только пляска перекатов наозонированных всполохов коротящего электричества, криво и безнадежно заикающегося, точно хромой барабанщик без чувства ритма. Спокойствие, тишина и замороженно-отстраненное остекленение завладело мной через динамику случайных вспышек без такта, точно я набрёл на то разноцветное равновесие, достигнутое через расширяющийся хаос дисгармонии, превращённые в своём окончательном пределе в единообразное сдержанно-противовесное белое месиво, которое и удерживает этот поток пронизывающего меня

канатика. Цветовой круг сместился по спектру и принялся обновляться пульсирующими снованиями Поисков, вздрагивая, как в первоначальном сне, когда видишь, что падаешь, поскользываясь, с обрыва или проваливаешься куда-то в подпол избушки. Поиски так нещадно и недвусмысленно подтормаживали, точно для воспроизведения их гладкой картинки, считываемой сетчаткой глаза, не хватало графической производительности.

Размытые пятна, летавшие вокруг, обрели теперь конкретные формы, приостановились, заметив боковым зрением, что я за ними наблюдаю. Некоторые из них напоминали банальную мошкарку, мельтешащую на фоне узора плохо обстуганных досок, тогда как другие имели множество рук и пылающие лунами гигантские, точно тарелки, глазищи, четвертые пятна ползали, напоминая пауков-птицеедов, самые же примитивные из них имели сходство с осьминогами или медузами и тянули ко мне свои малоприятные жгутики плазменных каналов, а то и вовсе бултыхались всей своей склизкой железной массой, как борцы сумо потрясают собственными жировыми тушами. Желейники скользили по стенам и потому уподоблялись тридцатисантиметровым слизнякам и круглым речным червякам или даже просто чайному грибу в банке литра на три. И все они были разновидностями беспокойно торопливых Поисков наводнивших своим нежелательным присутствием некогда роскошную залу старинного особняка.

Мне в тот момент стало противно и как-то не по себе, как будто находился не в своей тарелке. Я встал, подошёл к стене и тотчас же ощутил, как чьи-то холодные скользкие жгутики уже приноравливаются к моему флюоресцирующему зелёным агатом каналу анахаты на спине. Скинув очередную тварь, я тогда лишь заметил крылатого гиганта в панцире из лакированного угольно-вороного обсидиана. Изначально гигант был виден как движущиеся вытянутый красноватый туман, издававший толкающий пульс гула повсеместно вокруг меня. А теперь это нечто, машущее массивными крыльями, висело в воздухе неподалёку. “Так вот, кто здесь издает скрежет, заменяя соседский отбойный молоток”, - пронеслось у меня в голове. Существо, относящееся либо к высшей форме развития Поисков, либо произошедшее от них, но явно переросшее любые Поиски в своей эволюции, указало мне пальцами на подвальную дверь и произнесло, тем не менее, не сказав ни единого слова вслух, а прямо телепатически прошуршав шипящим песочком у меня в голове: “Тебе сюда уходить.”

Я запалил факел и принялся спускаться по мокрым от конденсата

ступенькам в самый дальний угол подвала, где никогда не бывал, и где оказалась прочная, почти что сейфовая дверь, запертая на железный засов, который ничто не способно сдвинуть его с места. Последовавший за мной некто, которого я решил называть Перепоиском, хрустяще прошелестел мне опять прямо в голову своим перекатывающимся хрипловатым шушуканьем, похожим на шёпот Василия Ливанова на нестабильной радиоволне: “Ты должен отбросить тень факела на засов, чтобы отворить его, ведь только степень свечения и освещённости определяют здесь суть всего. Поместив замочную скважину в тень, ты сделаешь её существование эфемерным.”

Стоило мне последовать совету Перепоиска с перепончатыми крыльями, как ослепительно яркий подвал был засвечен, словно не закреплённая фиксажем старая чёрно-белая фотография, и, вывернув собственную цветную гамму, всё окружающее нас предстало в цвете негативного снимка. Огонёк, танцующий на верхушке факела обратился в чистую тень, вычерчивающей сиянием собственного мрака из кружащей белой слепоты графитовые на вид контуры окружающих вещей, заметных ровно до тех пор, пока их лижет тень черного пламени, и растворяющихся в снежной лучистости, стоит лишь заставить тень их покинуть. Я отставил факел подальше от засова, позволив сиянию залить замочную скважину двери, и в мире, отразившемся в огне инвертированных цветов, чёрный свет уступил белой тьме, сумев совладать с плотностью дверного засова, заставив последнего забыть собственное существование. Невыразимые запасы энергии устремились в тень, вокруг всё начинало скрипеть, дрожать и искажаться, однако же неизменным оставался иссиня-чёрный факел. Окружение полыхало, будто было покрыто лопающимися пузырьками кипящей воды, в самом центре бурлящей бури которой находились мы с Перепоиском.

Спустя ещё несколько секунд кипение вдруг прекратилось и всё встало на свои места, приняв привычный вид, тени снова стали тенями, а огонь, как и прежде, освещал, а не затенял. Вместе с возвратом всего я ощутил неопишуемый, просто неслыханный разворот самого себя и чего-то в моём понимании мира на сто восемьдесят градусов. Когда я пришёл в себя, то увидел, что нахожусь уже по ту сторону от двери в подвале. Мой летающий спутник снова превратился в уходящий дымком к потолку красный туман, его шипящие волнением мысли больше не воспринимались, не слышен был пересыпающийся шелест его голоса.

Я встал тогда на дорожку, лежащую вдоль бордюра, и отправился путешествовать по городу под раскалённым лимонным солнцем,

отфильтрованным шейдером накладывающееся новым слоем самого себя сквозь колышущееся море на месте неба, осеняющее солёными, как новогодние пельмешки и маринады, испарениями исполинские столбы стеклянных небоскребов. Некоторые офисные центры опали по осени вместе с листьями, поднимая под облака высокий столб бетонной пыли, но мне не у кого было спросить, что же здесь не так. И только совсем вскоре я заметил, как асфальт пульсирует, вздымаясь, словно груздь под листьями, по обеим сторонам от текущей асфальтовой дорожке.

Сквозь почти ушной пробкой кучкующуюся стайку автомобилей я заметил караван страусов. Все как один страусы отдыхали на перекрёстке с автомобильной пробкой, пытаясь спятать голову под асфальт, но лишь до крови разбивая собственные лбы. Подойдя к ведущему погонщику страусов, я поинтересовался доходчиво: “А скажи-ка мне, любезный, что это за место и отчего здесь столь немногочисленно, зато очень страусно и автомобильно?” Он ответил, но мне пришлось переключиться в режим базовой телепатии, поскольку не его язык был мне неизвестен. С его слов оказалось, что мы находимся в мёртвом городе, из которого всех жителей эвакуировали, оставив только самоорганизующийся полумразумный транспорт бывших жителей мегаполиса. Здесь произошла небольшая катастрофа, и для людей больше не создаются места жительства, поскольку мир отныне оккупирован удавками разумных цивилизованных лиан из чуждых тропиков, выползших из вездесущего глубинного Ниоткуда. Оно почти такое же, как Поиски, только гораздо обширнее и опаснее своими лианами. Уж лучше Поиски и даже Перепоиски, чем цивилизация лиан из Ниоткуда. Я услужливо рассказал погонщику каравана страусов про дверь и предложил воспользоваться собственным миром, ведь вряд ли последний мне понадобится в ближайшее время.

Пульсирующий погонщик направился вместе со всем своим караваном к дверкам подвала, оказавшимся теперь на вершине одного из небоскрёбов, и я за ним принялся подниматься по лестнице вверх. Упавший откуда-то сверху стог сена оказался очень некстати, но даже это меня не опечалило, и уж тем более не остановило. На одном из этажей в лицо внезапно ударил слой песка, бес попутал и потому попытался влезть в ребро, а на языке чуть было не вскочил типун, стянув площадки на вершинах небоскрёбов, как хлопающие ладошки, заставив нас опомниться только тогда, когда пред этим, устрашающим своей колоссальностью, печальным величием опустошённости покинутого города растянулся небесной крышкой гигантский

трехгранный купол, имевший воистину неизмеримый размах и расслаивающийся по вертикали своими гранями, как бисквитное пирожное по горизонтали - коржиками.

Левая треть купола находилась в постоянном движении, либо на ней просто невозможно было сфокусировать свой взгляд: она то увеличивалась в размерах, то стягивалась, будто дышала, меняя оттенок цвета своих плазменных волос с персикового на белый, травянистый или даже пронзительно ультрамариновый. В этой левой трети гуляли и выюжили осиные талии торнадо и мерцали малиновые закручивающиеся глазки, напоминающие зацикленную турбулентность на поверхности Юпитера или картошку, поставившую себе целью прорасти после долгой зимней спячки.

Я посмотрел на центральную треть купола и увидел там, как плывущие, ныряющие и плещущиеся, как кашалоты, времена года сменяют друг друга. В этом, впрочем, не было ничего страшного или предосудительного, а сам вид непрекращающегося движения вгонял в состояние концентрированной медитации, притягивая взгляд и заставляя смотреть на среднюю центральную треть со всей возможной внимательностью. Тут же пришло понимание, что так можно очень легко попасть в ловушку и завертеться вместе со временами года, как прыгающая игрушка йо-йо, и тогда я переключился на последнюю, правую треть.

Здесь, в правой трети купола, в пространстве, вечно залитом нестерпимо тягучим жидким светом, солёно-электрическим на вкус, как рабочая батарейка, льющееся время само по себе двигалось достаточно многомерно: в этой закрученной и самовозвращающейся временн'ой спирали возрастали, расцветали и высыхали сады, возникали и рассыпались в прах города, мельтеша циклами жизнью их обитателей, и не были ни мгновения, когда движение там останавливалась бы. Казалось, что время в неторопливых цитаделях первых двух третей купола вообще никак не соглашается и не соотносится с буйством структур времени в правой части этого колоссального сооружения, навряд ли имеющего к людям хоть какое-то отношение.

Замечтавшись при взгляде на зрелище грандиозного представления, волей-неволей устроенного куполом даже без специального целеполагания, я сам не заметил, как оказался втянут вовнутрь этого купола, а когда очнулся от охватившего меня оцепенения, то было уже поздно. Неба не было видно и вовсе. Казалось, что меня со всех сторон окружает узкое давящее пространство, лишённое света и цвета. Каждая крупинка, каждая песчинка блёкла от того, что творилось вокруг.

Создавалось впечатление, что я замкнут в клубящуюся воронку радиусом всего в несколько десятков метров. Здесь было очень холодно и росли столь же малопонятные, сколь и малоприятные на вид колючки. Жёлтое небо, жёлтые стены и непрекращающиеся пыльные бури скрывали от взгляда конструкцию, представшую предо мной совершенно неожиданно: это была пирамида, имевшая относительно крупные габариты и упиравшаяся в пыльно-песчаный потолок неба, точно отражавшего путыню под ногами или обрушивая её всю вниз, причём прямо где-то над головой.

Тогда я заметил единственный возможный выход отсюда и нырнул в открытые барельефные ворота, за которыми разворачивалась мощная воздушная воронка, втягивающая, как многоэтажный пылесос. Последовало уже знакомое чувство переворачивания-выворачивания своего внешнего и внутреннего естества на сто восемьдесят градусов. Стеллажи библиотеки в образвавшемся или проявившемся за воротами месте простирались настолько, насколько только хватало глаз. Собственные шаги поскрипывали, как крупнозернистый наждак, отдаваясь эхом по ветру, пилящему островки продолговатых стеллажей, уставленных многотомными творениями классиков ушедших веков, архивными подшивками фондовых документов, буклетов, брошюр со стихами и потускневших от времени газет, возвышающихся на многие метры почти до бездонных потолков. Казалось, что здесь не было ни единой души. Даже мой крылатый проводник-Перепоиск, принимающий форму то ало-дымчатой неопределённости, то - напротив - вполне даже определённого существа с крыльями, покинул меня, заблудившись, по-видимому, где-то под сводами бесконечной библиотеки.

Я очень долго шел меж журналов, брошюр и толстенных книг, расцвеченных разнообразными оттенками своих плотных обложек, но не видел ни стен библиотеки, ни каких бы то ни было указателей, повсюду были лишь стеллажи и ничего, кроме них. Во время одного из моих поворотов за очередную полочку между стеллажами промелькнула тень, похожая на человека в сером балахоне. Человек двигался весьма проворно, но при этом производил своей поджарой комплекцией с глубоко посаженными в плечах бледными руками впечатление особенно ворчливого старика. Я заглянул ему под капюшон и увидел взгляд, точно бы поглощающий своей пространностью, распластанной отблесками его серых роговиц где-то между жизнью и смертью, но дышащей такой вечностью, что носитель капюшона воспринимался скорее в качестве неотъемлемой части и

функции обслуживания библиотеки, дополняющей её до полноценного состояния, нежели в качестве человеческой личности.

- Здесь есть все. Просто задай вопрос себе самому, что тебе нужно, и тогда ты найдешь. - произнеся эти слова и не дав времени мне для ответа, человек повернулся спиной и неторопливо ушёл во мрак стеллажей, удаляясь с удивительной скоростью, несопоставимой с кажущимся образом его движения. Загадав, что жажду возвращения, я взял первую попавшуюся книгу, но, по-видимому, недостаточно ясно сконцентрировался на своём устремлении. В глазах помутилось, а уже в следующее мгновение перед ними возникла бахрома свешивающегося капюшона, и тогда стало ясно, что отныне я влился в библиотеку, врос в неё и стал столь же неразделим, как и предыдущий хранитель.

Разобравшись со своим новым состоянием я понял, что фортуна не только милостива, но и обладает, к тому же, отменным чувством юмора - мне действительно открылся ход во все уровни существования и кто знает, быть может, стать хранителем библиотеки всех человеческих жизней - это действительно был единственный путь к тому, чтобы открыть лазейку обратно? Как бы там ни было, сейчас все ходы открыты предо мной, каждая Вселенная висит перед глазами на расстоянии вытянутой руки, и каждая из них равноценна любой другой.

Всё едино и всё исполнено и лишено смысла одновременно. Мне больше некуда и незачем возвращаться. Мой дом - везде. Это и есть равновесие тиши в истоках себя для вечного странника в странность.

*Белоусов Роман,
27 января 2013 года*